
УДК 82.0

ББК 83.00

П 88

Пугачева Н.Г.

Доктор исторических наук, профессор кафедры истории и правового регулирования массовых коммуникаций Кубанского государственного университета, e-mail: lyv22@mail.ru

О взаимосвязи теоретико-литературного и медиалогического осмысления корреляции «автор-герой»

(Рецензирована)

Аннотация:

Рассматривается корреляция «автор-герой» во взаимных связях между тремя аспектами понятийного аппарата: общефилологическими, теоретико-литературными и медиаведческими. В указанном ракурсе выявляются виды художественной концептуализации героя, в частности, теория встречной активности героя (М.М. Бахтин). Обосновывается тезис о принципиальном различии двух типов героев – художественном и публицистическом. Резюмируется, что в первом случае герой синтетичен, во втором – аналитичен.

Ключевые слова:

Автор, авторизация, герой, дискурс, концепт, корреляция, типизация, двусторонняя корреляция, прототип.

Pugacheva N.G.

Doctor of Historical Sciences, Professor of Department of History and Legal Regulation of Mass Communications, Kuban State University; e-mail: lyv22@mail.ru

On the interrelation of theoretic-literary and mediological elucidation of the “author-hero” correlation

Abstract:

The paper examines the “author-hero” correlation in mutual relations of three aspects of a conceptual framework: general philological, theoretic-literary and mediological. In the specified area, the types of art conceptualization of the hero are established, in particular, the theory of counter activity of the hero (M. M. Bakhtin). A theoretical proposition on principal distinction of two types of heroes – artistic and journalistic– is substantiated. It is summarized that in the first case the hero is synthetic and in the second, analytical.

Keywords:

Author, authorization, hero, discourse, concept, correlation, typification, bilateral correlation, prototype.

В по-своему парадоксальной ситуации нарастания обезличенного информационного цунами, которое способно смыть на своем пути элементарные ориентиры, позволяющие отделять истинные сведения от ложных (информацию от де-

---

з информации), единственным спасительным островом признается индивидуальное авторское начало. Эта специфическая функция категории автора, отмеченная в более ранних работах [1: 2], обладает разносторонним теоретико-литературным объяснительным потенциалом. Она позволяет расширить корреляции между регистрами повествования [3], между монологическим и диалогическим представлением образной системы [4]. В предлагаемой статье указанная функция категории автора рассматривается в двух взаимосвязанных ракурсах: в корреляции «автор-герой» посредством соотнесения между литературно-художественным и публицистической картиной мира, соответствующей образностью и концептуализацией.

Авторское начало выступает как объект читательского доверия и соответствующих требований адекватности при отражении происходящего. При этом автор всё более необходим и «как адресат эстетических требований. Претензия текста на художественность подвергается возможности неприятия только тогда, когда эта претензия связывается с человеческим субъектом этого текста» [1: 29].

Так, в XVIII веке журнал «Всякая всячина» при всем расхождении его идейных позиций с изданиями Н. И. Новикова едва ли привлек бы к себе столь пристальное внимание со стороны последнего и вызвал такую принципиальную критику, не будь вдохновителем этого журнала сама императрица Екатерина Вторая. Соотносительны пример из наших дней: книга «Евангелие от Соловьева» подвергается совершенно иному рассмотрению и гораздо более взыскательной оценке даже со стороны не очень подготовленного читателя, чем это было бы, если бы автором вместо известного теле- и радиоведущего являлся совершенно незнакомый широкой аудитории человек.

Для художественного познания оказывается актуальной закономерность, выявленная на публицистическом мате-

риале. С утратой читателем потребности в соотнесении высказывания и его субъекта окажется под угрозой сам привычный принцип информирования. Можно представить, что информационное общество замкнется само на себя и, не испытывая больше нужды в авторе, включится в циклический процесс потребления и производства бесконечного количества обезличенных данных, источником которых станет своего рода мыслящий океан – постиндустриальный Солярис, окончательно растворивший в себе индивидуальное творческое начало. В то же время абсолютизация публицистики факта способна лишить читателя главной опоры в нарастающем хаосе информации – автора как субъекта высказывания, открыто выражающего свою позицию и собственной личностью задающего основные параметры двустороннего процесса коммуникации. Без него сам этот процесс утратит многогранность, а общая полифония культуры существенно обеднеет, потеряв один из главных своих голосов.

Эта проблематика по-особому актуализирует проблему взаимодействия автора и героя произведения. Она не случайно гносеологизируется и рассматривается при этом в сложном единстве различных коммуникативных практик, прежде всего литературно-художественных и публицистических [5].

Рассматривая «выражение как поле встречи двух сознаний» и отмечая «сложность двустороннего акта познания-проникновения», в ходе которого диалектически взаимодействуют «активность познающего и активность открывающегося (диалогичность), умение познать и умение выразить себя» [6: 227], М.М. Бахтин особое внимание обращает именно на встречную активность познаваемого предмета. И говоря о герое текста как о специфическом предмете авторского отображения, мы не можем пройти мимо этой особенности. Встречная активность героя – со знаком плюс (стремление наиболее полно выразить себя) или со знаком минус (попыт-

---

ки закрыться, поставить барьер на пути авторского проникновения) – здесь предстает со всей очевидностью. В публицистике общение с персонажем будущего текста переходит в совершенно реальную сферу социального взаимодействия.

С реальным существованием личностей, которые фигурируют в публицистических текстах, связано и то, что в отличие от художественного творчества журналист не преднаходит героя в некой изначальной целостности, а напротив, выявляет важные особенности его характера, о которых до определенного момента ничего не знает. Таким образом, можно утверждать о принципиальном различии двух типов героев – художественного и публицистического: если в первом случае герой синтетичен, то есть является результатом некоего авторского обобщения, производной суммарного опыта своего создателя, то во втором – напротив, аналитичен (знание о нем достигается за счет осмысления существенных социальных проявлений конкретно-биографической личности). Данная проблема рассматривается в ряде публикаций Ю.В. Лучинского, в частности, при анализе американской публицистики [7].

Разумеется, и в публицистическом отображении персонажей присутствует известная доля условности: даже если вынести за скобки в принципе неустранимую условность любого отражения действительности в произведении, предопределенную субъективным фактором, то и тогда в текстах масс-медиа сохраняются всевозможные трансформации реальности, которые считаются допустимыми. К примеру, в отношении публицистических героев таковыми являются: перенесение их активности из одного места в другое, смещение временных рамок описываемых событий, изображение характеров в крайних ситуациях, требующих от человека определенного выбора и т. д. Причем, говоря о свойственных публицистике двух принципах типизации – собирательном и избирательном – также нель-

зя не отметить неизбежного очищения изображаемой автором реальности (в том числе – характеров героев) от несущественных компонентов и, напротив, своеобразного «сгущения» тех моментов, которые являются принципиальными. При этом в создаваемых образах предполагается взаимопроникновение общего и индивидуального, закономерного и случайного. В процессе типизации возникает образ не только единично-индивидуальный, но и множественно-конкретный.

Однако сочетание данных компонентов в каждом случае может быть различным. Оно обусловлено стратегией, избранной автором в изображении героя и окружающих его жизненных обстоятельств, исходя из стоящих перед автором задач. М. И. Стюфляева, М.Ю.Горохов, разделяя «образ-характер» и «образ-тип» (фактически – сопоставляя принципы избирательной и собирательной типизации), отмечали, что в публицистическом творчестве убедительность индивидуального образа-характера не абсолютна. Возникает потребность в образе, содержащем больший обобщающий смысл. Восхождение от единичного к общему, от конкретного к абстрактному совершается по аналогии с наукой, повторяет ступени научного познания. Получаемый в результате образ-тип в определенном смысле познавательнее более насыщен в сравнении с традиционным образом-характером.

При этом типизация как метод художественного исследования предполагает в публицистике пластическое воспроизведение характера и ситуации наряду с их анализом и оценкой. Характер создается как внутренне завершенная целостность, органически соединяющая социальные (профессиональные в том числе) и психологические качества.

В современной художественной прозе нарастает тенденция, согласно которой герой знаком читателю до того, как попал на страницы конкретного издания (особенно, если это известный человек).

В этом плане применительно к тексту наряду с присущим ему образом автора можно говорить и об образе героя. Конкретно-биографическая личность, становясь объектом изображения, сохраняет собственную явленность в реальном мире. В пространстве произведения мы видим результат ее авторской трактовки, во многом не совпадающий с прототипом и в любом случае – не сводимый к нему полностью. Хотя бы уже потому, что дискурс, акцентируя лишь общественно важные проявления личности, нередко упрощает ее истинную

многогранность. Причем это естественное фокусирование на отдельных сторонах изображаемого характера порой превращается в сознательный авторский прием, входящий, к примеру, в арсенал средств сатирической типизации и не только.

В результате механизм восприятия образа героя и образа автора оказывается зачастую сходен: читатели знают реально-го человека и видят, как тот изображен в тексте; они сопоставляют эти два слоя, за счет чего и рождается целостное представление образа в корреляции «автор-герой».

Примечания:

1. Фрейзе М. После изгнания автора: литературоведение в тупике? // Автор и текст. СПб., 1996. С. 29.
2. Пугачева Н.Г. Феномен автора: современные векторы теоретизации // Вестник МГТУ. Майкоп, 2012. Вып. 1. С. 83-86.
3. Правикова Л.В. Типология дискурсов, регистры и жанры // Вестник ПГЛУ. 2012. № 1. С. 135-138.
4. Хуако Ф.Н. Реконструкция исторического социума посредством монолога (на примере современного романа А.Х. Псигусова) // Вестник МГОУ. 2012. № 2 (48). С. 94-98.
5. Розенгрэн Матс. К вопросу о доха: эпистемология «новой риторики» // Вопросы филологии. 2012. № 6. С. 63-72.
6. Бахтин М.М. К философским основам гуманитарных наук // Автор и герой. СПб., 2000.
7. Лучинский Ю.В. Джон Кэлхун и журналистская полемика накануне гражданской войны // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. 2010. № 3. С. 80-85.

References:

1. Freyze M. After the author's expulsion: is the literary study at a deadlock? // An author and a text. SPb. 1996. P. 29.
2. Pugacheva N.G. Phenomenon of an author: modern vectors of theorization // The MGTU Bulletin. Maikop, 2012. Iss. 1. P. 83-86.
3. Pravikova L.V. Typology of discourses, registers and genres // The PGLU Bulletin. 2012. No. 1. P. 135-138.
4. Khuako F.N. Reconstruction of the historical society by means of a monologue (based on A.Kh. Psigusov's modern novel) // The MGOU Bulletin. 2012. No. 2 (48). P. 94-98.
5. Rosengren Mats. On doxa – epistemology of the New Rhetoric // Philosophy Problems. 2012. No. 6. P. 63-72.
6. Bakhtin M.M. On philosophical foundations of the humanities // An author and a hero. SPb. 2000.
7. Luchinsky Yu.V. John Calhoun and journalistic polemics on the eve of civil war // The Bulletin of the Adyghe State University. Series «Philology and the arts». 2010. No. 3. P.80-85.